

В.И. Павлов¹

Постклассическая антропология права в контексте синергической антропологии: формирование антропологического типа правопонимания

1. Состояние современной правовой науки характеризуется известным методологическим плюрализмом в отношении самых общих вопросов правовой теории. Сегодня высказываются различные оценки данной методологической ситуации в правоведении, от положительных до сугубо негативных, однако следует признать, что это фактическая данность современного правового знания и с ней следует считаться. Отметим, что методологический плюрализм дает возможность выявить новые аспекты правовой реальности, открыть такие способы правового представления, которые ранее не разрабатывались либо считались маргинальными. Вместе с тем приращение теоретического юридического знания всегда является продуктивным, поскольку позволяет более глубоко познать реальность права при условии, конечно, выдержанности общих требований к методологии правового познания.

Одним из таких способов или, точнее, типов правового представления, которые не разрабатывались в досоветской и советской правовой доктрине, является антропологическая концепция права, которая формируется в рамках программы постклассических правовых исследований. Доклад будет посвящен изложению методологических оснований антропологической концепции права на примере самого главного вопроса общеправовой теории – вопроса о правопонимании.

Поскольку одним из идейных источников предлагаемой концепции права выступает антропологическая модель, разработанная в рамках определенного антропологического направления, с характеристики последнего мы и начнем наше исследование.

---

¹ *Вадим Иванович Павлов* – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

2. Одним из идейных источников предлагаемой концепции права, который снабжает антропологию права базовыми антропологическими представлениями и понятийно-категориальным аппаратом, является синергичная антропология, основателем которой является Сергей Сергеевич Хоружий. Школа синергичной антропологии представляет собой научное освоение богословского дискурса. Смысл исследований заключается в разработке модели постклассической антропологии на базе опыта реконструкции и научного освоения (на вырабатываемом под эти цели специальном языке) духовных практик (в частности, восточно-христианской (православной) практики исихазма) как способа конституирования человека с привлечением ресурсов современной западной философии (в частности, герменевтической концепции субъекта «позднего» М. Фуко). Синергичная антропология – это антропология практик, свой материал она, в отличие от философской антропологии, берет из реальных, опытных способов работы человека с самим собой, в основном – из духовных практик.

Одна из основных исходных посылок синергичной антропологии заключается в том, что та модель человека, которая находится в основе классической эпистемологии и принимается нами за само собой разумеющуюся (классический субъект, гуманистический образ человека, человек Просвещения), на самом деле является лишь западноевропейской вариацией видения человека как субстанционально-трансцендентального субъекта. Осуществляя научную гегемонию по всему миру, западноевропейский дискурс человека-субъекта стал господствующим в мировой науке. С.С. Хоружий показал, что процесс теоретического оформления этого образа человека происходил на Западе от Аристотеля до Гегеля². Отказ работы этой модели был констатирован провозглашением постмодернистами в XX столетии знаменитого концепта «смерть субъекта». Причем это был не просто постмодернистский эпатаж, но реальная констатация антропологической ситуации, прежде всего, в западном обществе.

---

² Хоружий, С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии / С.С. Хоружий. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 688 с.

После очевидного фиаско классической модели субъекта, которая рассматривалась в дискурсе сущности как модель человека рационального, прежде всего, фундированная картезианским принципом «*cogito ergo sum*», возникла необходимость отыскания новой антропологической программы. Синергичная антропология в качестве таковой предложила новый дискурс человека, как мы уже сказали выше, на базе исследования духовных практик как своеобразных способов складывания субъективности. Для этих целей был выстроен концептуальный аппарат, с помощью которого происходило описание и, одновременно, разработка новых параметров антропологии.

3. Одним из главных принципов синергичной антропологии является *принцип энергичности*, который означает, что дескрипция антропологической реальности должна вестись не в дискурсе сущности, а в дискурсе энергии, бытия-действия. Человек – это не некая предзаданная сущность (разумный, рациональный субъект), помещенная в плоскость и заданная ею, а своего рода сплав человеческих энергий, или, по-другому, совокупность антропологических проявлений. Сам термин «энергия» (применительно к человеку – как человеческая энергия), которым мы будем пользоваться при описании человека, в аналитическом словаре синергичной антропологии по смыслу соответствует православной мистико-аскетической традиции. Энергия есть актуализация потенций сущего.

Принцип энергичности коррелирует и с моделью человека в православной антропологии, в основе которой лежит святоотеческое представление о том, что человеческое существование как личностное существование не сводимо к природе человека, его сущности, или, естеству.

Таким образом, принцип энергичности дает новую, энергичную картину человека, что означает отказ от примата принципа сущности как фундированности человекомерности главным образом рациональностью как исключительной субстанцией. Однако, выдвигая на первый план антропологического анализа энергичность, бытие-действие, мы не утверждаем о неприложимости к человеку сущности (ουσια) как таковой, просто ее понимание и положение в этом случае оказываются иными. В соответствии со

святоотеческими представлениями о человеке, его сущность, или, природа, подчинена способу существования и обусловлена им. Поэтому жизнь человека, его существование разворачивается и рассматривается под приматом не сущности (понятой в рационалистической традиции), а энергийности. Исходя из этого, можно говорить об *энергийной проекции, энергийном образе человека*.

4. Какую возможность содержит такой антропологический подход для права и возможно ли на нем основать правовую концепцию, ведь дискурс энергий и вообще субъективность в чисто антропологическом виде в юридическое поле ранее никогда не включались? Человек в правовой реальности согласно еще древней римской правовой традиции в общетеоретической юриспруденции всегда воспринимался как формализованная структура, *persona*, субъект права, которая выступала в виде юридической конструкции с определенными юридическими качествами и свойствами. Человек в своих практиках в мире юридических понятий никогда в расчет не брался, по крайней мере, в западной традиции права³. Как отмечает греческий богослов И. Зизиулас, «в своих антропологических коннотациях латинское *persona* больше своего греческого эквивалента опиралось на идею конкретной индивидуальности, хотя его употребление в общественной и позднее в юридической сфере всегда сохраняло оттенок значения греческого *προσωρον* или *προσωπειον*, связанный с театральной ролью; *persona* – это роль, которую люди играют, вступая в социальное или юридическое взаимодействие, т.е. это субъект моральных или юридических отношений, который ни индивидуально, ни социально не соотносится с онтологическим измерением личности»⁴.

Вместе с тем невозможно себе представить, чтобы общий антропологический кризис XX столетия, выражающийся в принципиальном изменении самой природы человеческого, который и актуализировал антропологическую проблематику, не коснулся правовой реальности и человека как он есть в мире права. Этот кризис мы и сегодня наблюдаем, в том числе, в

---

³ Применительно к византийской правовой традиции это утверждение не является очевидным и требует дополнительного исследования. См.: Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX–середины XVII вв.). – М.: МГИУ, 2006. – 269 с.

⁴ Зизиулас И. Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви / Предисл. прот. Иоанна Мейендорфа; Пер. с англ. Д.М. Гзгзяна. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. С. 29.

правовой плоскости – это проблема с т.н. «четвертым поколением прав человека», легализацией прав ЛГБТ-сообществ, правовой определенностью техники (т.н. «пятое поколение прав человека», правовая регламентация «дополненной реальности», технического устройства «google-glass»)⁵ и т.д. Сегодня человек меняется на глазах, меняется принципиально, в том числе с помощью безудержного развития техники, и этот процесс не может не затронуть правовую реальность. Право не является независимой системой юридических конструкций как всемогущих духовных сущностей, решающих все правовые проблемы в рамках собственной замкнутой системы. Такая позиция догматической юриспруденции XIX века, которая неявно присутствует и в современной общей теории права, конечно, не выдерживает критики.

Право всегда существует в социальном контексте, более того – в контексте антропологическом, связанном с антропологическими практиками, действиями людей. Общая проблема фундаментальных антропологических изменений, естественно, касается и права, она затрагивает и действие права, и его эффективность. Прагматика традиционной юридической методологии, представляющей человека в правовой реальности в качестве субъекта права, отсекающей онтологическое или даже антропологическое измерение правовой персоны, привели к кризису права как средства разрешения социальных конфликтов, к парадоксальному факту правовой защиты антропологически несостоятельных и даже вредных для самой человеческой природы правовых институтов (та же правовая институционализация усыновления детей «однопольными семьями», суррогатного материнства в интересах последних, т.н. полового «просвещения» детей). Поэтому попытка пересмотра антропологических оснований права представляет собой не критику общей теории права как самоцель, а шаг в направлении создания *«понимающего правоправедения»*, правоправедения, способного дать ответ на вопрос, каким образом изменение человека отражается на правовой реальности и, главное, что следует

---

⁵ См. об этой тенденции, например : Логинова О. Десять самых серьезных препятствий на пути Google Glass // Информационно-аналитический IT-портал «Digit.ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://digit.ru/technology/20130704/403026549.html>. – Дата доступа : 26.01.2015; Козлачкова Е.А. Изменение классического понятия «человек как субъект права» в правоотношениях по клонированию // Право и экономика. 2013. №12 (310). С. 64-67.

предпринять в плане правовых преобразований, чтобы право не оказалось в состоянии полной неадекватности в понимании новой субъектности права – неадекватности в понимании того человека, с которым праву придется иметь дело.

5. Главные направления антропологизации права заключаются в том, чтобы попытаться:

1) во-первых, осуществить деконструкцию догматического аппарата в отношении субъекта права, дойдя до чистой фактичности представления человека в мире права на основании положений синергичной антропологии и других методологических инструментов, и,

2) во-вторых, разработать новые концептуальные ресурсы, а затем и конкретный операциональный инструментарий в правоведении для этого нового образа человека в праве с целью приложения этого инструментария к юридической практике.

Работа по реализации первого положения применительно к главному вопросу общеправовой теории – вопросу о понимании права – привела к некоторым результатам концептуального характера, которые могут быть представлены в виде кратких тезисов:

1) «Право – это не сущность, право есть существование».

Суть этого тезиса заключается в том, что в антропологии права гносеологическая задача правоведения переводится из формата приоритета сущности права в отношении всех иных концептуальных правовых образований в направлении приоритета существования права, которое всегда полагается антропологически связанным. Такая методологическая модификация приводит к отказу от представления сущности, «главного в праве» как некоего метафизического места правовой подлинности. Взамен предлагается отыскивать правовую подлинность в правовом существовании, которое при этом не лишено возможности методологического обобщения.

Выводом из предложенной схемы является положение, согласно которому «главное в праве» находится не в норме, идее или отношении, оно сбывается в реальном, ежедневном опыте правового существования, в точке пересечения

лица, нормы права и факта правовой жизни. Встреча человека-в-праве с правовой нормой на фоне факта правовой жизни и есть выражение особого способа правового существования – правового бытия, которое характеризуется включенностью человека в действительность права.

2) «Право, понятое как правовое бытие через правовое существование, подлежит исследованию не через нормативные тексты (нормы права), правовые идеи или правовые отношения, а через правовую субъективацию».

Второе положение антропологического типа правопонимания связано с вопросом о том, каким образом возможно анализировать правовое существование. Правовое существование предлагается анализировать через специальное понятие – *правовая субъективация*, под которой понимаются *антропологические практики, правоповеденческие модели самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается.* Правовая субъективация выступает способом размещения человека в нормативном пространстве в качестве субъекта права. Именно практики правовой субъективации фактически характеризуют правовое существование человека в праве, точнее той области, которая остается «за фасадом» человека в праве как субъекта права. Правовая субъективация раскрывает действие права не через раскрытие его сущности, а через процесс правового существования человека-в-праве.

3) «Правовое существование через правовую субъективацию является залогом правового со-бытия человека-в-праве друг с другом».

Поскольку специфика права заключается в том, что оно направлено не на саму индивидуальную правовую жизнь (хотя этот важный момент правового воздействия также следует иметь в виду), но на регулирование отношений между людьми, поэтому правовое бытие в антропологическом смысле не самоцельно, а предуготовительно – оно, в конечном счете, ориентировано на правовое со-бытие, бытие с другим – с «другим» в самом широком юридическом смысле – от

субъекта конкретного гражданско-правового отношения до государства в лице конкретного должностного лица-представителя правоприменительного органа.

Антропологическое правовое представление предлагает рассматривать правовое сообщество, коммуникацию, единую систему правовых отношений как факт дискретности правового бытия, его различия, раз-деленности пространства правовой реальности именно в факте со-бытия, правового со-бытия друг с другом. Возможность быть в-месте, со-обща предоставляется именно фактом раз-деления правовых существований и этот факт не должен упускаться из вида. Антропология права именно в этом методологически важном моменте сохраняет свою предметную уникальность и обособленность как от общей теории права, так и от социологии права.

4) «Ориентиром для юридической практики, конкретной юридической деятельности является не сущность права, а правовое бытие как правовое существование человека-в-праве».

Основная идея антропологического анализа права в плане формулирования некоторой критериологии для юридической практики заключается в том, чтобы через перенесение акцента в описании правовой реальности с сущности права на правовое существование путем введения и обоснования таких новых концептов, как человек-в-праве, правовая субъективация, правовое бытие, правовое событие, *сделать процесс правового существования сопричастным процессу получения критериев правовой подлинности*. Критерии правовой подлинности находятся не в отыскании сущности права, а на границе, пороге соприкосновения практик правовой субъективации (человек-в-праве), правовых норм и факта правовой жизни.

Таким образом, методологический отказ от концепта «сущность права» и перенос акцента на правовое существование в антропологическом подходе, поэтому, выдвигает как требование переосмысления самого процесса правового регулирования общественных отношений (как последовательного разворачивания правовой сущности), так и требование переноса акцента в понимании истоков права с основания права на его становление, которое есть не что иное, как правовое существование человека-в-праве в практиках правовой субъективации.

